

УДК 37.013.42:004.738.5
ББК 446.46

ГРНТИ 14.01.11; 15.21.51; 15.81.21

Код ВАК 5.3.1

Авербух Наталья Владимировна,

SPIN-код: 8652-5602

старший преподаватель, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; старший преподаватель, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: natalya_averbukh@mail.ru

Садовникова Надежда Олеговна,

SPIN-код: 3494-0985

кандидат психологических наук, доцент, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: nosadovnikova@gmail.com

**СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ
МЕТОДОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРБУЛЛИНГУ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЗИЦИЙ ЖЕРТВ И СВИДЕТЕЛЕЙ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: внутришкольный кибербуллинг; внешкольный кибербуллинг; противодействие кибербуллингу; профилактика кибербуллинга; профилактические мероприятия; жертвы кибербуллинга; травля в Интернете; агрессивное поведение; межличностное общение

АННОТАЦИЯ. В условиях роста цифровизации и распространения кибербуллинга среди подростков особую актуальность приобретает изучение эффективности стратегий противодействия с учетом позиций участников. Важность исследования обусловлена необходимостью разработки дифференцированных профилактических мер, основанных на эмпирических данных о субъективном восприятии различных методов защиты. *Цель статьи* – провести сравнительный анализ субъективных оценок эффективности методов противодействия кибербуллингу среди жертв и свидетелей, а также выявить связь этих оценок с индивидуально-психологическими особенностями участников. *Задачи исследования:* сравнить оценки эффективности методов противодействия кибербуллингу (вмешательство родителей и педагогов, отпор, блокировка, игнорирование) между жертвами и свидетелями; выявить статистически значимые различия в восприятии эффективности методов между участниками внутришкольного и внешкольного кибербуллинга; изучить влияние типа межличностного общения (по методике ДМО Лири) на предпочтение тех или иных стратегий защиты. *Основные гипотезы:* существуют значимые различия между жертвами и свидетелями кибербуллинга в субъективной оценке эффективности методов противодействия, причем наиболее выраженные различия ожидаются в отношении активных стратегий; технические методы (блокировка) и пассивные стратегии (игнорирование) оцениваются как более эффективные, чем социальное посредничество взрослых; тип межличностного общения связан с предпочтением определенных методов защиты. В исследовании участвовали 251 школьник 5–11 классов. Применялись: авторский опросник кибербуллинга, методика ДМО Лири, критерии Краскела-Уоллиса и Манна-Уитни, корреляционный анализ Пирсона. *Результаты подтвердили гипотезы:* свидетели достоверно чаще оценивали отпор как эффективный метод по сравнению с жертвами ($p < 0,05$); блокировка обидчиков получила наиболее высокие оценки во всех группах; для жертв внешкольного кибербуллинга выявлены значимые корреляции между типом общения (II, VII, VIII октанты) и оценкой эффективности методов. *Практическая значимость* заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы для разработки дифференцированных профилактических мер с учетом как ролевой позиции учащихся, так и выявленных общих закономерностей. Также они применимы для организации работы, направленной на повышение доверия подростков к социальному посредничеству взрослых. *Теоретическая значимость* заключается в том, что исследование вносит вклад в понимание субъективного восприятия эффективности методов противодействия кибербуллингу самими подростками. Полученные данные конкретизируют роль индивидуально-психологических особенностей и ролевой позиции в формировании этих оценок. *Научная новизна:* в статье впервые проведено комплексное сравнение субъективных оценок эффективности методов противодействия кибербуллингу между жертвами и свидетелями. Впервые эмпирически показаны систематические различия в восприятии стратегий защиты в зависимости от ролевой позиции и контекста травли, а также установлена связь этих оценок с индивидуально-психологическими особенностями участников. *Содержательные выводы:* полученные результаты демонстрируют, что свидетели кибербуллинга склонны переоценивать эффективность активного сопротивления по сравнению с жертвами, в то время как технические методы защиты, такие как блокировка, получают универсально высокие оценки. Кроме того, для жертв внешкольного кибербуллинга выявлена устойчивая связь между предпочитаемыми стратегиями защиты и их индивидуально-психологическими особенностями.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Авербух, Н. В. Субъективная оценка эффективности методов противодействия кибербуллингу: сравнительный анализ позиций жертв и свидетелей / Н. В. Авербух, Н. О. Садовникова. – Текст : непосредственный // Педагогическое образование в России. – 2025. – № 6. – С. 80–98.

Averbukh Natalia Vladimirovna,

Senior Lecturer, Ural State Pedagogical University; Senior Lecturer, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Sadovnikova Nadezhda Olegovna,

Candidate of Psychology, Associate Professor, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

SUBJECTIVE ASSESSMENT OF THE EFFECTIVENESS OF METHODS OF COUNTERING CYBERBULLYING: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE POSITIONS OF VICTIMS AND BYSTANDERS

KEYWORDS: intra-school cyberbullying; extracurricular cyberbullying; countering cyberbullying; prevention of cyberbullying; preventive measures; victims of cyberbullying; harassment on the Internet; aggressive behavior; interpersonal communication

ABSTRACT. In the context of increasing digitalization and the spread of cyberbullying among teenagers, it is particularly important to study the effectiveness of strategies for countering cyberbullying, taking into account the participants' roles. The importance of the study is due to the need to develop differentiated preventive measures based on empirical data on the subjective perception of various methods of protection. *The aim of the paper* is to conduct a comparative analysis of subjective assessments of the effectiveness of methods for countering cyberbullying among victims and bystanders, as well as to identify the relationship between these assessments and the individual psychological characteristics of the participants. *Research objectives:* compare estimates of the effectiveness of methods of countering cyberbullying (intervention by parents and teachers, rebuff, blocking, ignoring) between victims and bystanders; to identify statistically significant differences in the perception of the effectiveness of methods between participants in intra-school and extracurricular cyberbullying; no study the influence of the type of interpersonal communication (according to the DMO Leary method) on the preference of certain protection strategies. *Main hypotheses:* there are significant differences between victims and bystanders of cyberbullying in their subjective assessments of countering methods' effectiveness, with the most pronounced differences occurring in active strategies; technical methods (blocking) and passive strategies (ignoring) are rated as more effective than adult social mediation; the type of interpersonal communication is associated with a preference for certain methods of protection. The study involved 251 schoolchildren in grades 5–11. The following methods were used: the author's cyberbullying questionnaire, the Leary DMO methodology, the Kraskel-Wallis and Mann-Whitney criteria, and Pearson correlation analysis. *The results* confirmed the following hypotheses: bystanders were significantly more likely to rate rebuff as an effective method compared to victims ($p < 0,05$); blocking abusers received the highest ratings in all groups; for victims of extracurricular cyberbullying, significant correlations were found between the type of communication (II, VII, VIII oc-tants) and the assessment of the effectiveness of methods. *The practical significance* lies in the fact that the results obtained can be used to develop differentiated preventive measures, taking into account both the role position of students and the identified general patterns. They are also applicable for organizing targeted work aimed at increasing adolescents' trust in adult social mediation. *The theoretical significance* lies in the fact that the study contributes to understanding the subjective perception of the effectiveness of methods of countering cyberbullying by adolescents themselves. The data obtained specify the role of individual psychological characteristics and role position in the formation of these assessments. *Scientific novelty:* in this work, for the first time, a comprehensive comparison of subjective assessments of the effectiveness of methods of countering cyberbullying between victims and bystanders was carried out. For the first time, systematic differences in the perception of protection strategies are empirically shown depending on the role position and context of bullying, and the relationship of these assessments with the individual psychological characteristics of the participants is established. *Meaningful conclusions:* the results demonstrate that cyberbullying bystanders tend to overestimate the effectiveness of active resistance compared to victims, while technical protection methods such as blocking receive universally high ratings. In addition, for victims of extracurricular cyberbullying, a stable relationship has been identified between preferred protection strategies and their individual psychological characteristics.

FOR CITATION: Averbukh, N. V., Sadovnikova, N. O. (2025). Subjective Assessment of the Effectiveness of Methods of Countering Cyberbullying: A Comparative Analysis of the Positions of Victims and Bystanders. In *Pedagogical Education in Russia*. No. 6, pp. 80–98.

Введение. Наибольший интерес в вопросах, связанных с кибербуллингом (как и с традиционным буллингом), представляют способы противодействия и защиты от травли. Каким образом можно защититься? Как предотвратить ее? Популярная просветительская литература содержит множество рекомендаций, однако они основаны на практическом опыте психологов, работающих с детьми и подростками и оказывающих помощь жертвам буллинга. Данных об эффективности тех или

иных способов недостаточно. При работе с практическими рекомендациями необходимо учитывать неизбежность «ошибки выжившего»: человек, для которого определенный способ защиты оказался действенным, уверен в его эффективности и, возможно, даже полагает, что те, кому он не помог, приложили недостаточно усилий. В данной работе исследуется вопрос об эффективности различных методов с точки зрения жертв и свидетелей кибербуллинга.

Таким образом, цель данного исследо-

вания – провести сравнительный анализ субъективных оценок эффективности методов противодействия кибербуллингу среди жертв и свидетелей, выявить различия в восприятии стратегий защиты и их связь с индивидуально-психологическими особенностями участников.

Задачи исследования:

1. Сравнить оценки эффективности методов противодействия кибербуллингу (вмешательство родителей и педагогов, отпор, блокировка, игнорирование) между жертвами и свидетелями.

2. Выявить статистически значимые различия в восприятии эффективности методов между участниками внутришкольного и внешкольного кибербуллинга.

3. Изучить влияние типа межличностного общения (по методике ДМО Лири) на предпочтение тех или иных стратегий защиты.

Гипотезы исследования:

1. Существуют значимые различия между жертвами и свидетелями кибербуллинга в субъективной оценке эффективности методов противодействия, причем наиболее выраженные различия ожидаются в отношении активных стратегий (например, отпора).

2. Субъективная эффективность стратегий противодействия кибербуллингу варьируется в зависимости от роли (жертва / свидетель) и контекста (внутришкольный / внешкольный), при этом технические методы (блокировка) и пассивные стратегии (игнорирование) оцениваются как более эффективные, чем социальное посредничество взрослых.

3. Тип межличностного общения (по ДМО Лири) связан с предпочтением определенных методов защиты: например, доминирующие и сотрудничающие типы чаще положительно оценивают социальное посредничество, а недоверчивые – технические решения.

Мы опирались на результаты фокус-группы, в рамках которой изучались ответы подростков, предлагавших свои способы противодействия. В целом участники фокус-группы выражали пессимизм и скептически оценивали эффективность вмешательства родителей или педагогов. Наилучшим методом, по их мнению, является игнорирование обидчика. Однако результаты фокус-группы не могут заменить сбор статистических данных.

В рамках масштабного исследования респондентам, указавшим, что они сталкивались с кибербуллингом в роли жертв или свидетелей, задавался вопрос об эффективности различных методов противодействия. В качестве методов были выбраны: вмешательство родителей, вмешательство педаго-

гов, непосредственный отпор со стороны жертвы, блокировка обидчика, а также игнорирование.

При анализе результатов применялся двойной подход. Во-первых, ответы «Никогда» – «Редко» – «Часто» – «Всегда» преобразовывались в числовые значения от 0 до 3, после чего оценивались статистические параметры этих ответов. Это позволило сравнить результаты между разными группами и проанализировать связь оценки эффективности метода с психологическими характеристиками. Однако такой подход упрощает данные, поэтому дополнительно рассчитывалось процентное распределение ответов относительно эффективности конкретных способов в каждой группе респондентов. Этот метод позволяет более точно и детально оценить каждый способ в отдельности. Результаты показали, что свидетели склонны более оптимистично оценивать способность жертв давать отпор обидчику и противостоять травле.

С практической точки зрения это можно интерпретировать как склонность свидетелей преуменьшать серьезность травли, а также как тенденцию жертв недооценивать свои силы, возможности и ресурсы, воспринимая ситуацию через призму виктимизации. В первом случае речь идет о своеобразной «невидимости» если не самой травли, то ее последствий: свидетели считают, что жертва успешно дала отпор, тем самым разрешив проблему, и не задумываются о необходимости своей помощи и поддержки, в то время как жертва остается один на один с обидчиком. Во втором случае можно рекомендовать психологическую работу с жертвами травли, направленную на интеграцию успешных случаев сопротивления в их жизненный опыт.

Проведенный анализ выявил значимые различия в оценке эффективности методов противодействия кибербуллингу между жертвами и свидетелями. Наиболее выраженный диссонанс обнаружен в восприятии активных стратегий сопротивления: свидетели внутришкольного кибербуллинга склонны переоценивать способность жертв дать отпор, тогда как сами жертвы чаще оценивают такие методы как малорезультативные.

При этом технические способы защиты (блокировка обидчиков) получили относительно высокие оценки во всех группах, что подтверждает их универсальную применимость.

Корреляционный анализ выявил связь между предпочитаемыми стратегиями и типами межличностного общения по методике ДМО Лири. В частности:

1. Жертвы с доминирующим типом поведения (II октант: «Независимый – доми-

нирующий») чаще положительно оценивали вмешательство педагогов.

2. Жертвы с выраженной склонностью к сотрудничеству (VII октант: «Сотрудничающий – конвенциальный») и ответственностью (VIII октант: «Ответственный – великодушный») также демонстрировали более высокую оценку социального посредничества взрослых.

3. Для жертв с недоверчивым типом поведения (IV октант: «Недоверчивый – скептический») характерна тенденция к выбору метода блокировки.

Важным практическим выводом стало предположение о «разрыве восприятия» – свидетели систематически недооценивают психологическую нагрузку на жертву, считая сопротивление более простым и эффективным, чем оно есть в реальности.

Кроме того, было выдвинуто и альтернативное объяснение: если свидетели склонны преуменьшать сложность противодействия, то жертвы могут систематически недооценивать собственные возможности. Такое расхождение может быть связано с особенностями субъективного восприятия травли, когда стресс и негативный эмоциональный опыт затрудняют адекватную оценку даже успешных действий по самозащите.

Полученные данные подчеркивают необходимость дифференцированного подхода к профилактике кибербуллинга с учетом ролевой позиции учащихся и их индивидуально-психологических особенностей.

Обзор. Кибербуллинг представляет собой перенос агрессивного поведения и травли в цифровое пространство. С конца XX в. Интернет превратился в один из ключевых источников информации для молодого поколения согласно статье V. L. Nazarov, E. V. Gorbunov, N. S. Kolegova 2020 г. [16]. Эта среда открывает принципиально иные способы воздействия на людей. Для многих значимым становится мнение даже незнакомой аудитории, что повышает опасность онлайн-преследования. В качестве площадки для кибербуллинга, как указано в работе А. А. Бочавер и К. Д. Хломова 2014 г., могут выступать разнообразные интернет-ресурсы: социальные сети, блоги, видеоплатформы [2].

Определение этого явления также приводится в исследовании Р. К. Smith и коллег 2008 г.: «Агрессивное преднамеренное действие, совершаемое группой или отдельным лицом с использованием электронных форм контакта, неоднократно и на протяжении длительного времени, против жертвы, которая не может легко защитить себя» [12, р. 376].

В работе Е. Menesini и коллег 2012 г. рассматриваются признаки кибербуллинга, при этом к трем классическим критериям

традиционной травли добавляются анонимность и публичность (т. е. осуществление агрессии на виду у многих, а не в приватном общении). В исследовании, охватившем 6 европейских стран, основными характеристиками были названы дисбаланс власти и умышленность. Меньшую значимость имел фактор анонимности. Интересно, что, в отличие от офлайн-буллинга, повторяемость не всегда является обязательным условием кибербуллинга [11].

D. Olweus в своей работе 2013 г. выделил три основные роли в буллинге: агрессоры, жертвы и агрессоры-жертвы. Эта классификация была распространена и на кибербуллинг [18]. Подобное разделение поддерживается и другими исследователями, например в работе Г. У. Солдатовой и А. Н. Ярминой 2019 г. [7]. Кроме того, важную роль в процессе травли играют наблюдатели, которые иногда сами вовлекаются в кибербуллинг, как указано в статье J. Ranumарогн и коллег 2020 г. [9].

В исследовании 2021 г., проведенном Е. В. Бочкаревой и Д. А. Стрениным, свидетели кибербуллинга были разделены на несколько категорий:

1) подстрекатели – те, кто наблюдает за агрессией, поддерживает ее и провоцирует обидчика;

2) аутсайдеры – сохраняют нейтралитет, не вмешиваясь, но оставаясь наблюдателями;

3) защитники – оказывают помощь или эмоциональную поддержку жертве [3, с. 94].

После анализа ключевых характеристик кибербуллинга представляется необходимым рассмотреть возможные подходы к противодействию данному явлению и проанализировать предлагаемые исследователями стратегии вмешательства.

В современной научной литературе предлагаются различные подходы к профилактике кибербуллинга. По данным обзора, приведенного в работе S. Perren и коллег в 2012 г. [21], для снижения риска кибербуллинга исследователи, чьи работы вошли в анализируемую выборку, предлагали усилить контроль родителей, применять общие антибуллинговые стратегии, развивать социальные навыки и обучать безопасному поведению в Сети.

Особое внимание в исследованиях уделяется коррекции поведения агрессоров. В исследовании Р. J. Kizza 2024 г. рекомендуется воздействовать на кибербуллеров через ограничение их действий, лишение школьных привилегий, а также проведение психотерапевтических программ для коррекции поведения [15].

Не менее важным аспектом является создание здоровой цифровой среды. L. Zhao

и коллеги в исследовании 2022 г. [17] пришли к выводу, что рост моральных стандартов в анонимной онлайн-среде способен снизить частоту кибербуллинга. В этом контексте особую роль играет просвещение: просветительские мероприятия для учащихся о кибербуллинге повышают их готовность помогать жертвам и выступать в роли поддерживающих свидетелей, согласно исследованию 2018 г. A. DeSmet и коллег [22].

Для самих жертв критически важна выработка правильных защитных механизмов. Исследование чешских ученых H. Machackova и коллег 2013 г. [13] выявило, что жертвам кибербуллинга лучше всего помогают технические меры, такие как блокировка контактов (удаление или изменение профилей, смена номера телефона), уход с опасных сайтов и поиск поддержки. Напротив, месть, открытый конфликт и поиск советов в Интернете оказались наименее эффективными. Эти данные подтверждаются и другими исследованиями. Например, в статье E. S. Erbiçer, E. Toprak, A. Metin 2023 г. [14] показано, что активные стратегии совладания защищают от кибербуллинга, тогда как пассивные или избегающие реакции, наоборот, увеличивают риски.

Схожие результаты были получены и в других культурных контекстах. Так, например, китайские исследователи Q. Chen и коллеги в 2024 г. показали, что к эффективным методам противодействия кибербуллингу можно отнести технические, такие как блокировка обидчика, игнорирование, когнитивное избегание, тогда как к неэффективным относятся месть, конфронтация, отказ от помощи взрослых (из опасения ограничений в использовании Интернета или бесполезных советов) [24]. Эти данные противоречат выводам исследований о вреде избегающих стратегий.

Работа группы турецких исследователей T. Doğan и коллег в 2023 г. [23] показала, что к эффективным стратегиям противодействия кибербуллингу опрошенные школьники-подростки отнесли: обращение за внешней помощью к взрослым – родителям, школьной администрации, психологам и официальным органам; технические решения – удаление оскорбительных комментариев и блокировка обидчика, хотя указали, что преследователь может обойти этот способ защиты, создав новый аккаунт. К неэффективным методам они отнесли игнорирование обидчика и отпор обидчику. Первый вариант не защищает, преследователь чувствует свою безнаказанность, а второй позволяет агрессору самому выставить себя жертвой. Также они указали на спорные решения, такие как попробовать поговорить с агрессором. Наиболее эффектив-

ным было признано обращение за внешней помощью.

Как показано в работе D. T. Nguyen и коллег 2025 г. [10], избегающие копинг-стратегии частично опосредуют связь между кибербуллингом и депрессией у вьетнамских подростков, в то время как социальная поддержка значительно смягчает этот косвенный эффект. Исследователи подчеркивают важность включения разработки позитивных стратегий совладания и укрепления социальной поддержки в меры, направленные на профилактику и лечение подростковой депрессии.

В работе P. J. Ranjith и коллег 2025 г. [19] среди мер против кибербуллинга предлагается как вмешательство на уровне школы и семьи, так и выработка жертвой собственных стратегий совладания.

Важную роль в преодолении последствий травли играют психологические факторы. Эмоциональный интеллект ослабляет негативное влияние кибербуллинга, уменьшая чувство одиночества, как показано в работе A. Shukla и S. C. Vikram 2023 г. [20].

В работе J. L. Solas-Martínez и коллег 2025 г. [8] рассматривается использование когнитивных и метакогнитивных стратегий обучения как фактора, снижающего риск участия в кибербуллинге в качестве как жертвы, так и агрессора.

Важно учитывать, что некоторые интуитивно понятные меры могут давать обратный эффект. Полное отключение ребенка от Интернета, хотя и кажется логичным решением для прекращения травли, на практике лишь усиливает изоляцию, подрывает доверие к взрослым и снижает вероятность обращения за помощью, согласно работе A. A. Бочавер и К. Д. Хломова 2014 г. [2].

Анализ литературы, посвященной стратегиям поведения свидетелей кибербуллинга, показывает отсутствие упоминаний о таком потенциальном действии, как обращение за помощью к взрослым (родителям или педагогам). Однако, как отмечают Е. А. Бенгина и С. А. Гришаева в работе 2018 г., данная стратегия рекомендуется в качестве эффективного способа действий для самих жертв кибербуллинга [1].

Методология. В данном исследовании приняли участие 251 школьник 5–11 классов Свердловской области.

Экспериментальная база исследования: одна из гимназий г. Екатеринбурга.

Возрастные характеристики респондентов: от 11 до 18 лет. Распределение респондентов по половому признаку: девочки – 59%, мальчики – 41%.

В качестве диагностических методик применялись:

1. Авторский опросник кибербуллинга.

2. Опросник диагностики межличностных отношений Лири (ДМО), адаптированный Л. Н. Собчик, приведенный в работах [6; 4].

Авторский опросник кибербуллинга включал в себя несколько блоков, посвященных:

- школьной травле;
- внутришкольному кибербуллингу (с участием учеников одного класса или школы в целом);
- внешкольному кибербуллингу (с вовлечением посторонних лиц либо направленный на них).

Каждый из этих блоков делился на пять частей, посвященных ролям:

- жертвы;
- агрессора;
- подстрекателя;
- рядового участника травли;
- свидетеля.

В рамках данной работы рассматриваются четыре блока:

- 1) жертва внутришкольного кибербуллинга;
- 2) свидетель внутришкольного кибербуллинга;
- 3) жертва внешкольного кибербуллинга;
- 4) свидетель внешкольного кибербуллинга.

линга.

Основное внимание уделено вопросам, касающимся эффективности методов защиты от кибербуллинга:

- по мнению жертвы;
- по мнению свидетелей.

Исследуемые методы противодействия кибербуллингу (выбранные на основе результатов, опубликованных в работе [5]):

- вмешательство родителей;
- вмешательство педагогов;
- отпор, который жертва дает обидчику;
- блокировка обидчика;
- игнорирование обидчика.

Методы математической статистики:

- критерий Краскела-Уоллиса (для определения различий между несколькими выборками);
- критерий Манна-Уитни (для определения различий между двумя выборками);
- метод углового преобразования Фишера (для определения достоверности различий между процентными долями двух выборок);
- критерий корреляции Пирсона (для определения связи между оценкой эффективности методов противодействия и типом межличностных отношений).

Результаты

Таблица 1

Средние и среднеквадратические значения оценки респондентами, принимавшими участие во внутришкольном или во внешкольном кибербуллинге в роли жертвы или свидетеля

		Эффективность вмешательства родителей	Эффективность вмешательства педагогов	Эффективность отпора обидчикам	Эффективность игнорирования обидчиков	Эффективность блокировки обидчиков
Жертвы внутришкольного кибербуллинга, N = 42	Среднее	1,02	0,69	0,83	0,95	1,24
	СКО	1,12	0,90	0,96	0,96	1,05
Свидетели внутришкольного кибербуллинга, N = 44	Среднее	1,05	0,84	1,27	1,16	1,39
	СКО	0,96	0,78	0,97	1,01	0,99
Жертвы внешкольного кибербуллинга, N = 20	Среднее	0,90	0,85	0,75	0,90	1,15
	СКО	0,97	0,99	0,85	0,85	1,14
Свидетели внешкольного кибербуллинга, N = 13	Среднее	0,85	0,77	1,31	1,31	1,46
	СКО	0,90	0,83	1,03	0,95	1,05

Как видно из таблицы 1, самая высокая оценка – у эффективности блокировки обидчиков в группе свидетелей внешкольного кибербуллинга, на втором месте – тот же показатель в группе свидетелей внутришкольного кибербуллинга, а самая низкая – у эффективности вмешательства педагогов в группе жертв внутришкольного кибербуллинга. Однако, чтобы делать вы-

воды, необходимо оценить значимость различий. Для этого был рассчитан критерий Краскела-Уоллиса.

В таблице 2 представлены результаты расчета значимости различий в оценке респондентами эффективности методов внутри групп жертв внутри- и внешкольного кибербуллинга, свидетелей внутри- и внешкольного кибербуллинга.

Таблица 2

Статистический анализ различий в оценках эффективности методов противодействия кибербуллингу с использованием критерия Краскала-Уоллиса: внутригрупповое сравнение методов и межгрупповое сравнение по каждому методу

Сравнение оценок эффективности методов внутри ролевых групп: вмешательство родителей; вмешательство педагогов; отпор, даваемый жертвой; блокировка обидчика; игнорирование обидчика, критическое значение $\chi^2_{\text{крит}} = 7,779$ при $p < 0,1$, $\chi^2_{\text{крит}} = 9,488$ при $p < 0,05$				
Жертвы внутришкольного кибербуллинга, N = 42	Свидетели внутришкольного кибербуллинга, N = 44	Жертвы внешкольного кибербуллинга, N = 20	Свидетели внешкольного кибербуллинга, N = 13	
6,36	7,24	1,19	4,85	
Сравнение оценок эффективности каждого метода между ролевыми группами: жертва внутришкольного кибербуллинга; свидетель внутришкольного кибербуллинга; жертва внешкольного кибербуллинга; свидетель внешкольного кибербуллинга, $\chi^2_{\text{крит}} = 6,251$ при $p < 0,1$, $\chi^2_{\text{крит}} = 7,815$ при $p < 0,05$				
Эффективность вмешательства родителей	Эффективность вмешательства педагогов	Эффективность отпора обидчикам	Эффективность игнорирования обидчиков	Эффективность блокировки обидчиков
0.54	1.33	7.37	2.23	1.41

Примечание: значимые различия выделены жирным шрифтом.

Согласно данным, представленным в таблице 2, статистически значимые различия внутри групп (жертвы внутришкольного кибербуллинга, свидетели внутришкольного кибербуллинга, жертвы внешкольного кибербуллинга и свидетели внешкольного кибербуллинга) в оценках эффективности различных методов противодействия кибербуллингу отсутствуют. В частности, жертвы внутришкольного кибербуллинга демонстрируют сопоставимые оценки эффективности таких методов, как: вмешательство родителей; вмешательство педагогов; отпор обидчикам; игнорирование обидчиков; блокировка обидчиков. Аналогичная картина наблюдается и в других группах.

При этом межгрупповые сравнения выявили статистически значимые различия (на нулевом уровне значимости) только в оценках эффективности отпора обидчикам между жертвами и свидетелями как внутришкольного, так и внешкольного кибербуллинга. Однако нулевой уровень значимости не позволяет сделать однозначные выводы о наличии устойчивых различий в оценках эффективности данного метода между представителями разных групп. Для уточнения этого аспекта было проведено дополнительное попарное сравнение оценок эффективности отпора обидчикам между всеми исследуемыми группами с помощью критерия Манна-Уитни, см. таблицу 3.

Таблица 3

Попарное сравнение оценок эффективности отпора обидчикам между всеми исследуемыми группами с помощью критерия Манна-Уитни

	Жертвы внутришкольного кибербуллинга, N = 42	Свидетели внутришкольного кибербуллинга, N = 44	Жертвы внешкольного кибербуллинга, N = 20
Свидетели внутришкольного кибербуллинга, N = 44	670 , $U_{\text{крит}} = 733$ при $p < 0,05$	–	–
Жертвы внешкольного кибербуллинга, N = 20	409,5, $U_{\text{крит}} = 310$ при $p < 0,05$	304 , $U_{\text{крит}} = 325$ при $p < 0,05$	–
Свидетели внешкольного кибербуллинга, N = 13	195,5, $U_{\text{крит}} = 189$ при $p < 0,05$	281, $U_{\text{крит}} = 199$ при $p < 0,05$	88,5, $U_{\text{крит}} = 84$ при $p < 0,05$

Согласно данным, представленным в таблице 3, оценки свидетелей внутришкольного кибербуллинга эффективности отпора обидчикам статистически значимо отличаются от оценок жертв как внутришкольного, так и внешкольного кибербуллинга ($p < 0,05$). Между остальными группами значимых различий не выявлено.

Полученные результаты демонстрируют, что свидетели внутришкольного кибер-

буллинга склонны оценивать эффективность отпора обидчикам достоверно выше по сравнению с жертвами обоих типов кибербуллинга. Отсутствие значимых различий между оценками жертв внутри- и внешкольного кибербуллинга и свидетелей внешкольного кибербуллинга, вероятно, объясняется недостаточным объемом выборки свидетелей внешкольного кибербуллинга.

Как уже говорилось во введении, анализ среднего значения не позволяет судить о том, что преобладает в ответах испытуемых – оценка «никогда», «редко», «часто»

или «всегда» и чем группы отличаются между собой по этим оценкам.

Результаты представлены на рисунках 1–9.

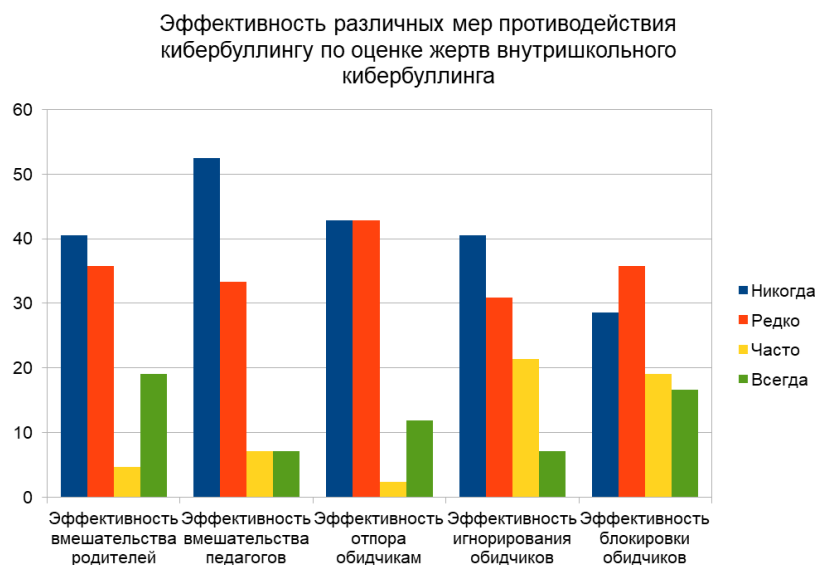

Рис. 1. Эффективность различных мер противодействия кибербуллингу по оценке жертв внутришкольного кибербуллинга: распределение процентных долей ответов

Как видно из рисунка 1, жертвы внутришкольного кибербуллинга наиболее часто дают эффективности методов противодействия кибербуллингу такие оценки, как «Редко» или «Никогда». Наибольший про-

цент высоких оценок («Часто» / «Всегда») наблюдается для «блокировки обидчиков», тогда как «вмешательство педагогов» и «отпор обидчикам» получают преимущественно низкие оценки.

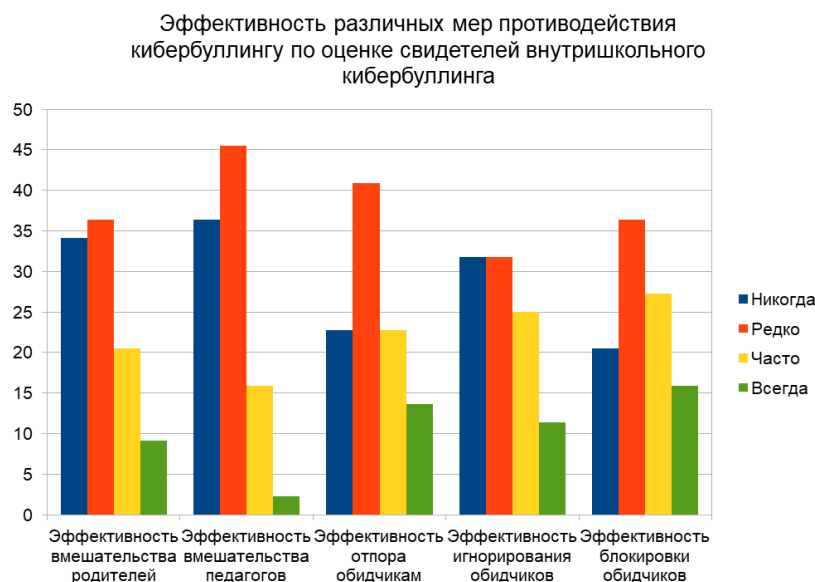

Рис. 2. Эффективность различных мер противодействия кибербуллингу по оценке свидетелей внутришкольного кибербуллинга: распределение процентных долей ответов

Как видно из рисунка 2, свидетели внутришкольного кибербуллинга чаще всего выбирают оценку «Редко» для методов вмешательства педагогов, блокировки обидчиков и отпора обидчикам. При этом блокировка обидчиков получает заметную долю оценок

«Часто». Оценки эффективности игнорирования распределены между категориями «Никогда» и «Редко» примерно поровну. Вмешательство родителей показывает аналогичную картину с вмешательством педагогов, с преобладанием оценки «Редко».

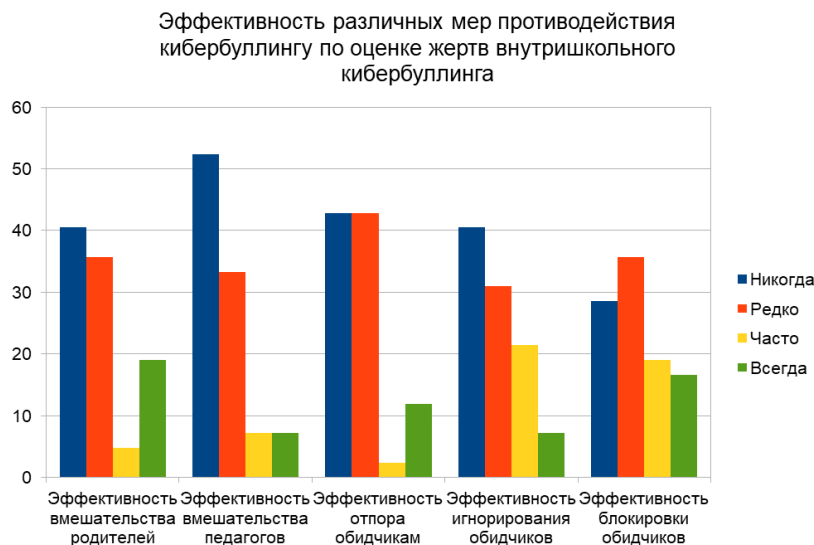

Рис. 3. Эффективность различных мер противодействия кибербуллингу по оценке жертв внешнего кибербуллинга: распределение процентных долей ответов

Согласно рисунку 3, жертвы внешнего кибербуллинга также чаще выбирают варианты «Редко» или «Никогда» для большинства методов. При оценке метода «блокировка обидчиков» доля оценок «Все-

гда» достигает 20%, что сопоставимо с долей 35% у ответов «Никогда» и «Редко». «Вмешательство педагогов» и «вмешательство родителей» получают наименьшую поддержку.

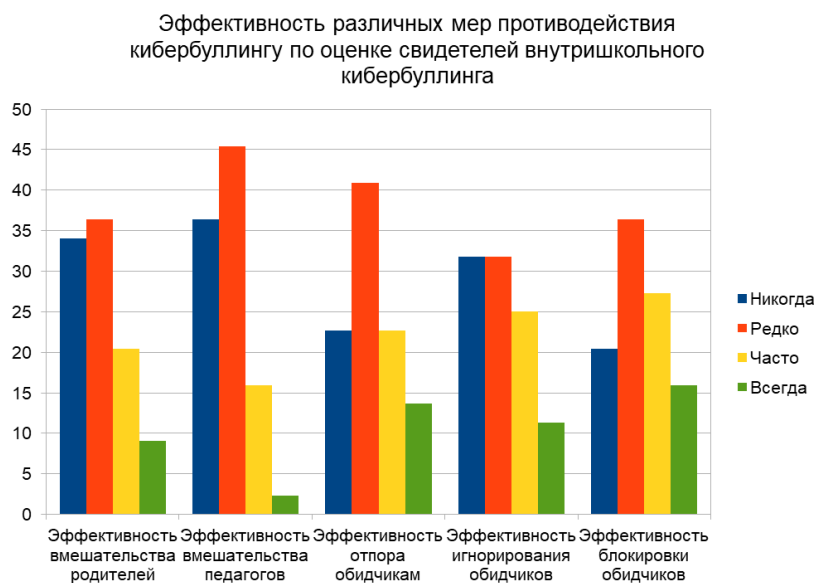

Рис. 4. Эффективность различных мер противодействия кибербуллингу по оценке свидетелей внешнего кибербуллинга: распределение процентных долей ответов

Как видно из рисунка 4, свидетели внешнего кибербуллинга наиболее высоко оценивают эффективность «блокировки обидчиков» и «игнорирования», с пиком оценок в категории «Часто». При этом оценки «отпора обидчикам» достигают

максимальных значений в категории «Редко». Методы с участием третьих лиц – «вмешательство родителей» и «вмешательство педагогов» – получают преимущественно низкие оценки, с преобладанием вариантов «Никогда» и «Редко».

Таблица 4

**Сравнение оценок эффективности методов внутри ролевых групп:
вмешательство родителей; вмешательство педагогов; отпор,
даваемый жертвой; игнорирование обидчика.**

Только значимые значения. $\varphi^*_{\text{крит}} = 1,64$ при $p < 0,05$, $\varphi^*_{\text{крит}} = 2,31$ при $p < 0,01$

	Жертвы внутришкольного кибербуллинга, N = 42	Свидетели внутришкольного кибербуллинга, N = 44	Жертвы внешкольного кибербуллинга, N = 20
Свидетели внутришкольного кибербуллинга, N = 44	Эффективность вмешательства родителей. «Часто», 2,31	—	—
	Эффективность отпора обидчикам. «Часто», 3,17		
Жертвы внешкольного кибербуллинга, N = 20	—	Эффективность отпора обидчикам. «Никогда», 1,77	—
		Эффективность блокировки обидчиков. «Часто», 1,69	
Свидетели внешкольного кибербуллинга, N = 13	—	—	Эффективность вмешательства педагогов. «Всегда», 1,81
			Эффективность блокировки обидчиков. «Часто», 1,95

Примечание: в оценках эффективности игнорирования обидчиков не было выявлено значимых различий между группами, поэтому данный метод не был включен в таблицу 4.

Анализ выявил устойчивые различия между группами. Свидетели внутришкольного кибербуллинга чаще жертв внутришкольного кибербуллинга считают эффективным вмешательство родителей, демонстрируя более высокую оценку этого метода (различия по оценке «Часто»). Они же склонны выше оценивать и самостоятельный отпор обидчикам по сравнению с теми, кто непосредственно сталкивался с травлей (различия в оценках «Часто» между свидетелями и жертвами внутришкольного кибербуллинга).

Анализ данных показывает, что свидетели внутришкольного кибербуллинга реже выбирают оценку «Никогда» для метода отпора обидчикам по сравнению с жертвами внешкольного кибербуллинга. При этом при оценке метода блокировки обидчиков свидетели внутришкольного кибербуллинга чаще выбирают оценку «Часто», чем жертвы внешкольного кибербуллинга.

Свидетели внешкольного кибербуллинга демонстрируют более высокий процент

оценок «Всегда» для метода вмешательства педагогов по сравнению с жертвами внешкольного кибербуллинга. Также свидетели внешкольного кибербуллинга при оценке эффективности метода блокировки обидчиков чаще выбирают оценку «Часто», чем жертвы внешкольного кибербуллинга.

Что касается игнорирования, оценки этого метода остаются умеренными и сравнительно одинаковыми во всех группах, без существенных расхождений между жертвами и свидетелями. Наибольшие различия между ролевыми группами наблюдаются именно в оценке социального посредничества взрослых (вмешательство родителей и педагогов) и прямого противодействия (отпор), тогда как технические и пассивные стратегии воспринимаются более единообразно.

Такой характер распределения оценок отражает разницу в восприятии эффективности защиты в зависимости от вовлеченности в ситуацию кибербуллинга.

ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

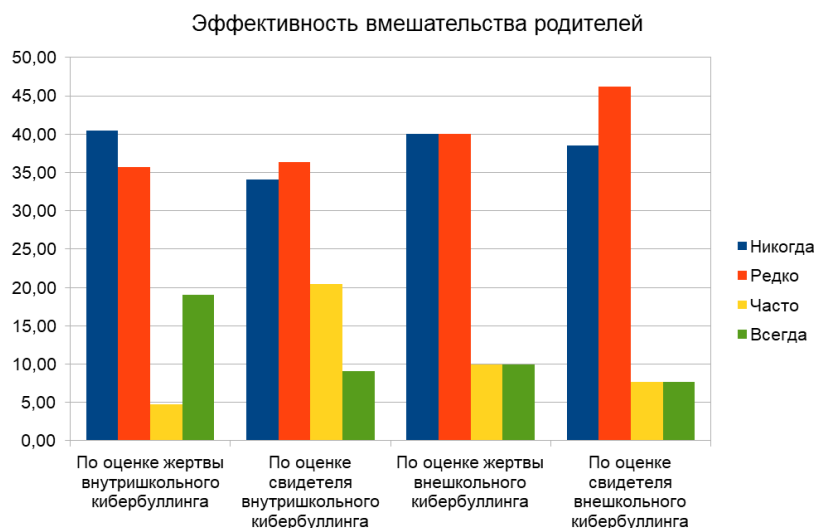

Рис. 5. Эффективность вмешательства родителей по оценке различных ролевых групп

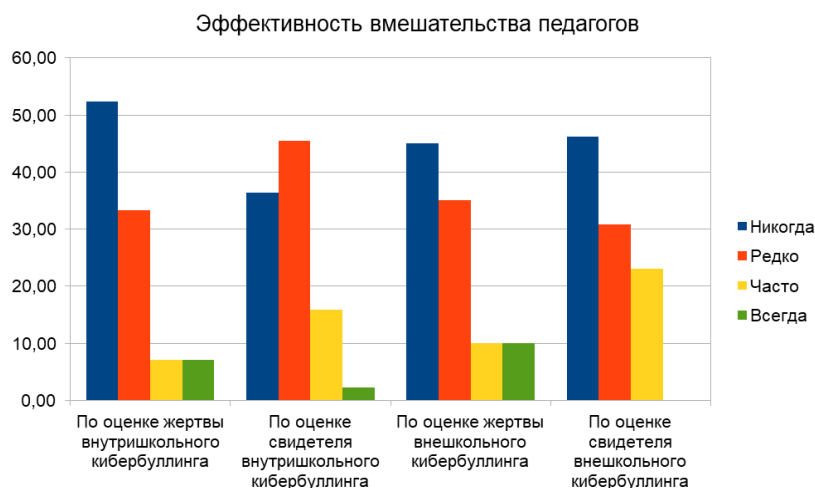

Рис. 6. Эффективность вмешательства педагогов по оценке различных ролевых групп

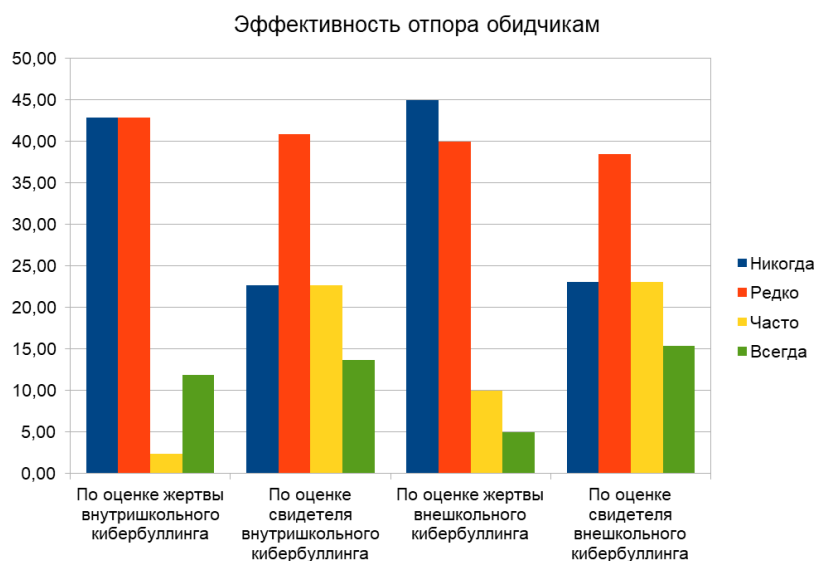

Рис. 7. Эффективность отпора обидчикам по оценке различных ролевых групп

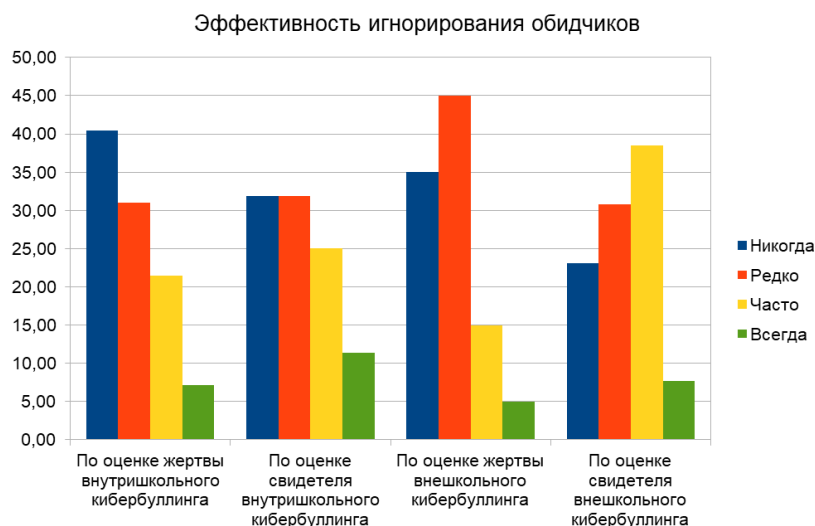

Рис. 8. Эффективность игнорирования обидчиков по оценке различных ролевых групп

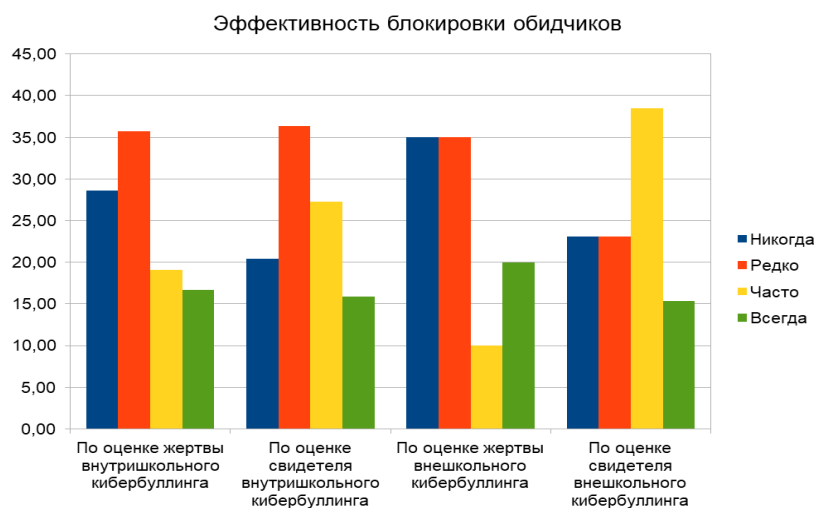

Рис. 9. Эффективность блокировки обидчиков по оценке различных ролевых групп

Таблица 5

Сравнение оценок эффективности каждого метода между ролевыми группами: жертва внутришкольного кибербуллинга; свидетель внутришкольного кибербуллинга; жертва внешкольного кибербуллинга; свидетель внешкольного кибербуллинга. Только значимые значения.

$\varphi^*_{\text{крит}} = 1,64$ при $p < 0,05$, $\varphi^*_{\text{крит}} = 2,31$ при $p < 0,01$

	Эффективность вмешательства родителей	Эффективность вмешательства педагогов	Эффективность отпора обидчикам	Эффективность игнорирования обидчиков
1	2	3	4	5
Эффективность вмешательства педагогов	Жертва внутришкольного кибербуллинга. «Всегда», 1,66	—	—	—
Эффективность отпора обидчикам	—	Свидетель внешкольного кибербуллинга. «Всегда», 2,06	—	—

1	2	3	4	5
Эффективность игнорирования обидчиков	Жертва внутришкольного кибербуллинга. «Часто», 2,39 «Всегда», 1,66	Жертва внутришкольного кибербуллинга. «Часто», 1,93	—	—
	Свидетель внешкольного кибербуллинга. «Часто», 1,98	Свидетель внутришкольного кибербуллинга. «Всегда», 1,81		
Эффективность блокировки обидчиков	Свидетель внешкольного кибербуллинга. «Часто», 1,98	Свидетель внутришкольного кибербуллинга. «Никогда», 1,67 «Всегда», 2,43	Жертва внутришкольного кибербуллинга. «Часто», 2,72	Жертва внутришкольного кибербуллинга. «Часто», 2,99
		Свидетель внешкольного кибербуллинга. «Всегда», 2,06		

Примечание: в оценках эффективности различных номеров внутри группы «жертвы внешкольного кибербуллинга» не было выявлено значимых различий между методами, поэтому данная группа не была включена в таблицу 5.

На основании данных таблицы 5, а также представленных на рисунках 5–9, можно сделать следующие выводы. В группе «Жертва внутришкольного кибербуллинга» параметр «Эффективность блокировки обидчиков» демонстрирует более высокую долю оценки «Часто» по сравнению с параметрами «Эффективность отпора обидчикам» и «Эффективность игнорирования обидчиков». При этом параметр «Эффективность игнорирования обидчиков» показывает более высокую долю оценки «Часто», чем «Эффективность вмешательства педагогов». Сравнение параметров «Эффективность вмешательства родителей» и «Эффективность игнорирования обидчиков» выявляет, что оценка «Часто» чаще отмечается для игнорирования, тогда как оценка «Всегда» чаще отмечается для вмешательства родителей.

В группе «Свидетель внутришкольного кибербуллинга» параметр «Эффективность блокировки обидчиков» имеет меньшую долю оценки «Никогда» и большую долю оценки «Всегда» по сравнению с параметром «Эффективность вмешательства педагогов». При сравнении параметров «Эффективность вмешательства педагогов» и «Эффективность игнорирования обидчиков» оценка «Всегда» чаще отмечается для вмешательства педагогов.

В группе «Жертва внешкольного кибербуллинга» значимых различий между указанными параметрами не выявлено.

В группе «Свидетель внешкольного кибербуллинга» параметр «Эффективность блокировки обидчиков» показывает более

высокую долю оценки «Всегда» по сравнению с параметром «Эффективность вмешательства педагогов». Параметр «Эффективность отпора обидчикам» имеет более высокую долю оценки «Всегда» по сравнению с тем же параметром «Эффективность вмешательства педагогов». При этом параметр «Эффективность блокировки обидчиков» демонстрирует более высокую долю оценки «Часто» по сравнению с параметром «Эффективность вмешательства родителей». Наконец, параметр «Эффективность игнорирования обидчиков» показывает более высокую долю оценки «Часто» по сравнению с параметром «Эффективность вмешательства родителей».

Между параметрами «Эффективность отпора обидчикам» и «Эффективность игнорирования обидчиков», а также между «Эффективность отпора обидчикам» и «Эффективность вмешательства родителей» значимых различий не выявлено ни в одной из анализируемых групп.

Далее была установлена корреляционная связь между оценкой эффективности метода противодействия кибербуллингу и типом межличностного общения, определенным по опроснику ДМО Лири в адаптации Л. С. Собчик. Данные по результатам измерения типа межличностного общения опубликованы в предыдущих работах коллектива, поэтому в настоящей статье приводиться не будут. В таблице 6 указаны значимые корреляции между средними оценками эффективности каждого метода внутри групп и типом межличностного общения.

Таблица 6

**Значимые корреляции Пирсона между эффективностью
противодействия кибербуллингу и типами межличностного общения
(ДМО Лири, адаптация Л. Н. Собчик)**

Ролевая группа участников кибербуллинга	Тип межличностного общения	Метод противодействия кибербуллингу	Значение корреляции	Критическое значение и уровень значимости
Жертва внутришкольного кибербуллинга, N = 42	–			
Свидетель внутришкольного кибербуллинга, N = 44	Блокировка обидчиков	II октант «Независимый – доминирующий»	0,41	$\Gamma_{\text{крит}} = 0,38$ $p < 0,01$
Жертва внешкольного кибербуллинга, N = 20	Вмешательство педагогов	II октант «Независимый – доминирующий»	0,46	$\Gamma_{\text{крит}} = 0,44$ $p < 0,05$
		VII октант «Сотрудничающий – конвенционный»	0,50	
		VIII октант «Ответственный – великодушный»	0,45	
	Блокировка обидчиков	IV октант «Недоверчивый – скептический»	0,52	
Свидетель внешкольного кибербуллинга, N = 13	–			

В таблице 6 описаны значимые корреляции Пирсона между оценками эффективности методов противодействия кибербуллингу и типами межличностного общения, измеренными с помощью опросника ДМО Лири в адаптации Л. Н. Собчик.

Для группы «Свидетель внутришкольного кибербуллинга» обнаружена корреляция между методом «Блокировка обидчиков» и II октантом «Независимый – доминирующий».

В группе «Жертва внешкольного кибербуллинга» выявлены корреляции:

– метод «Вмешательство педагогов» связан с II октантом «Независимый – доминирующий», VII октантом «Сотрудничающий – конвенциональный» и VIII октантом «Ответственный – великодушный»;

– метод «блокировка обидчиков» коррелирует с IV октантом «Недоверчивый – скептический».

Для групп «Жертва внутришкольного кибербуллинга» и «Свидетель внешкольного кибербуллинга» значимых корреляций не зафиксировано.

Обсуждения. Анализ различий средних оценок эффективности методов внутри и между группами выявил, что свидетели внутришкольного кибербуллинга склонны оценивать эффективность отпора обидчикам выше, чем жертвы – как внутришкольного, так и внешкольного кибербуллинга. Это различие подтверждается статистически значимыми результатами, представленными в таблицах.

Примечательно, что подобный разрыв в оценках наблюдается только для метода отпора. Как отмечено в работе Н. Machacko-

ва и коллег 2013 г. [13], активные конфронтационные стратегии (мечь, открытый конфликт) действительно оказываются наименее эффективными, что может объяснять скептическое отношение жертв к методу отпора. Это согласуется с данными обзора в работе Q. Chen и коллег 2024 г. [24] и T. Doğan и коллег в работе 2023 г. [23], где подчеркивается низкая эффективность конфронтации. При этом технические методы (блокировка), получившие высокие оценки в исследовании, подтверждаются выводами в работе [13] как универсально применимые. Это создает контраст между восприятием активных и технических стратегий. Такой контраст особенно важен в контексте ролевых различий. Следует заметить, что в отношении таких методов, как блокировка, игнорирование и социальное посредничество взрослых значимых различий между группами не выявлено. Это позволяет предположить, что именно активное сопротивление становится предметом расхождений в восприятии между жертвами и свидетелями.

Полученные количественные данные демонстрируют устойчивый разрыв в оценках эффективности отпора между жертвами и свидетелями, что требует дальнейшего изучения с привлечением качественных методов.

Естественно, ограничением интерпретации остается небольшой размер отдельных подгрупп, что требует осторожности при обобщении результатов. Однако выявленная закономерность указывает на важность учета ролевой позиции при оценке эффективности именно активных методов противодействия кибербуллингу.

При анализе различий в распределении процентных долей тех или иных оценок эффективности различных методов противодействия эффективности между группами полученные данные позволяют выявить несколько устойчивых закономерностей в восприятии эффективности различных методов противодействия кибербуллингу. Наиболее выраженные различия наблюдаются между группами свидетелей и жертв, причем свидетели последовательно демонстрируют более оптимистичные оценки независимо от типа кибербуллинга (внутришкольного / внешкольного).

Свидетели обоих типов кибербуллинга демонстрируют более высокую оценку эффективности активных методов противодействия (блокировка, отпор) по сравнению с жертвами. Одновременно свидетели склонны выше оценивать и социальное посредничество взрослых, что может свидетельствовать о различном восприятии ситуации в зависимости от роли участника.

Жертвы, особенно внешкольного кибербуллинга, проявляют наибольший скепсис в отношении всех методов противодействия. Этот скепсис контрастирует с данными международных исследований, где социальное посредничество рассматривается как ключевой элемент противодействия кибербуллингу. Как показано в обзоре S. Pergen и коллег 2012 г., вмешательство взрослых рекомендуется в качестве эффективной стратегии (подчеркивается роль родителей и педагогов в снижении рисков) [21], а T. Doğan и коллеги [23] отмечают, что школьники часто рассматривают обращение за внешней помощью как действенный метод. Таким образом, расхождение между данными разных исследований требует дополнительного изучения.

Наименьшие различия между группами наблюдаются в оценке игнорирования, что позволяет предположить его восприятие как универсального, но не самого эффективного метода. Эти результаты частично противоречат данным обзора в работе [10], где отмечается ограниченность избегающих стратегий. В целом полученные результаты подчеркивают важность учета ролевой позиции при разработке стратегий противодействия.

Проведенный анализ различий в распределении процентных долей тех или иных оценок эффективности различных методов противодействия эффективности внутри групп выявил различия в оценках эффективности методов противодействия кибербуллингу среди участников исследования. Наблюдаются устойчивые закономерности в восприятии различных способов защиты.

Метод «блокировка обидчиков» получает относительно высокие оценки эффективности в большинстве исследуемых групп, что подтверждается статистическими показателями ($\varphi^* > 1,64$). В группе «свидетелей внешкольного кибербуллинга» данный метод показывает более высокие оценки по категориям «Часто» и «Всегда» по сравнению с некоторыми другими методами.

Социальное посредничество взрослых демонстрирует вариативность оценок в зависимости от ролевой позиции участников. Свидетели в целом оценивают эти методы несколько выше, чем жертвы, особенно в ситуациях «внешкольного кибербуллинга».

Сравнение оценок «отпора обидчикам», «игнорирования» и «родительского вмешательства» не показало статистически значимых различий ($\varphi^* < 1,64$) между этими методами ни в одной из анализируемых групп. Это подтверждается данными таблицы 5 и визуальным анализом рисунков.

Отдельно стоит упомянуть, что жертвы внешкольного кибербуллинга оценивают все методы как одинаково малоэффективные. Это может объясняться особенностями внешкольного контекста: трудностью идентификации обидчиков и отсутствием четких механизмов вмешательства.

Анализ связи между эффективностью противодействия кибербуллингу и типами межличностного общения (по ДМО Лири в адаптации Л. Н. Собчик) выявил характерные закономерности. У свидетелей внутришкольного кибербуллинга с доминирующим типом поведения (II октант) отмечается более высокая оценка эффективности блокировки обидчиков. Для жертв внешкольного кибербуллинга прослеживается взаимосвязь между оценкой эффективности вмешательства педагогов и такими характеристиками, как независимость (II октант), склонность к сотрудничеству (VII октант) и ответственность (VIII октант), тогда как их недоверчивость (IV октант) коррелирует с предпочтением метода блокировки. В других исследуемых группах значимых связей между типами межличностного общения и оценкой эффективности методов противодействия не обнаружено, что может свидетельствовать об отсутствии выраженной зависимости между этими факторами.

Заключение. Настоящее исследование было направлено на сравнительный анализ субъективных оценок эффективности методов противодействия кибербуллингу среди жертв и свидетелей, а также выявление связи этих оценок с индивидуально-психологическими особенностями участников. Полученные результаты позволили не только достичь поставленной цели, но и выявить значимые закономерности в вос-

приятии различных стратегий защиты.

Первая гипотеза нашла подтверждение в выявлении статистически значимых различий между жертвами и свидетелями кибербуллинга в оценке эффективности методов противодействия, особенно в отношении активных стратегий. Свидетели достоверно чаще оценивали отпор как эффективный метод по сравнению с жертвами, что подчеркивает роль ролевой позиции в восприятии сопротивления. Различия в оценках технических и пассивных стратегий оказались менее выраженными.

Вторая гипотеза также получила эмпирическое обоснование: технические методы (блокировка) и пассивные стратегии (игнорирование) действительно получили более высокие оценки эффективности по сравнению с социальным посредничеством взрослых (вмешательство родителей и педагогов), особенно среди жертв кибербуллинга. Блокировка обидчиков была оценена как наиболее действенный метод во всех группах, что согласуется с универсальностью технических решений. При этом жертвы, особенно внешкольного кибербуллинга, демонстрировали скептицизм в отношении активных и социальных стратегий, что подчеркивает важность учета контекста и ролевой позиции при выборе методов противодействия. Эти результаты подтверждают, что субъективное восприятие эффективности стратегий варьируется в зависимости от роли и контекста травли.

Что касается третьей гипотезы, то ее подтверждение оказалось ограниченным: корреляционный анализ выявил, что жертвы внешкольного кибербуллинга с доминирующим (II октант) и сотрудничающим (VII, VIII октанты) типами межличностного общения действительно выше оценивали социальное посредничество (вмешательство педагогов), а недоверчивые участники (IV октант) предпочитали технические методы (блокировку). Однако для других групп (например, жертв внутришкольного кибербуллинга) значимых связей между типом общения и выбором стратегий не обнаружено, что указывает на ограниченность гипотезы определенными контекстами. Таким образом, связь между психологическими особенностями и предпочитаемыми методами защиты проявляется избирательно, в зависимости от роли и условий кибербуллинга.

Учитывая выявленные закономерности, можно сформулировать следующие практические рекомендации. Жертвы кибербуллинга демонстрируют скептицизм в отношении социального посредничества взрослых, что требует установления доверительного контакта без обесценивания их переживаний. Особое значение здесь при-

обретает помощь в осознании и закреплении успешных стратегий поведения, преодолении искажений восприятия, вызванных травмирующим опытом, что может реализовываться через специальные тренинги по развитию рефлексии.

Технические методы (блокировка), получившие высокие оценки, могут стать отправной точкой для восстановления чувства контроля.

Свидетели кибербуллинга играют ключевую роль в формировании социального контекста, который либо поддерживает, либо пресекает агрессию. Это делает необходимой специальную работу с ними – наравне с жертвами. Как будет показано далее, их оценка эффективности методов противодействия зависит не только от ролевой позиции, но и от индивидуально-психологических особенностей (например, типа межличностного общения).

Особую проблему представляет разрыв в восприятии активного сопротивления: свидетели (особенно внутришкольного кибербуллинга) склонны переоценивать готовность жертв дать отпор, тогда как сами жертвы часто недооценивают свою способность противостоять травле. Это противоречие в восприятии указывает на необходимость:

- 1) для свидетелей – обучения корректным способам поддержки, создания безопасных механизмов сообщения о травле и преодоления стереотипов о «легкости» сопротивления;

- 2) для жертв – развития навыков распознавания успешных стратегий поведения и преодоления искажений восприятия, вызванных травмирующим опытом.

Для жертв внешкольного кибербуллинга особенно важны три компонента: техническая помощь, четкие алгоритмы действий при анонимных атаках и психологическая поддержка. Практическая реализация может включать специальные тренинги, направленные на развитие рефлексии и объективной оценки собственных действий в ситуациях кибербуллинга.

Универсальное восприятие игнорирования как умеренно эффективного метода подтверждает, что оно может быть полезным на начальных этапах, но не должно рассматриваться как исчерпывающее решение. В целом подход к противодействию кибербуллингу должен быть гибким и учитывать как объективные возможности разных методов, так и субъективное восприятие их эффективности теми, кто столкнулся с травлей.

Для педагогов, работающих с проблемой кибербуллинга, важно учитывать выявленные закономерности в зависимости от

типа межличностного общения учащихся.

Возвращаясь к вопросу о свидетелях внутришкольного кибербуллинга, обратимся к индивидуальным различиям: при работе со свидетелями внутришкольного кибербуллинга, у которых преобладает доминирующий тип поведения (II октант), стоит акцентировать внимание на технических методах противодействия, таких как блокировка обидчиков. Поскольку эти учащиеся склонны оценивать такой способ как наиболее эффективный, полезно обучать их алгоритмам быстрого реагирования в цифровой среде, не дожидаясь эскалации конфликта.

Работа со свидетелями внутришкольного кибербуллинга особенно важна, поскольку их реакция может как усугубить, так и остановить травлю. Параллельно с техническими навыками важно развивать у этих учащихся эмпатию и готовность поддерживать жертву. Формирование активной позиции свидетелей, направленной на сообщение о случаях буллинга и коллективное неприятие агрессии, способствует созданию безопасной среды, где кибербуллинг не остается безнаказанным.

Для жертв внешкольного кибербуллинга ключевым аспектом становится персонализированный подход. Учащиеся с выраженной независимостью (II октант), склонностью к сотрудничеству (VII октант) и ответственностью (VIII октант) выше оценивают эффективность вмешательства педагогов. Это означает, что для них важно создавать доверительную коммуникацию, пред-

лагая четкие и структурированные формы поддержки, включая посредничество в конфликтах. В то же время, если жертва демонстрирует недоверчивость (IV октант), педагогу следует уважать ее выбор в пользу блокировки, но при этом мягко предлагать дополнительные стратегии, например обучение цифровой гигиене или эмоциональной самозащите.

В остальных случаях, где значимых связей не обнаружено, рекомендуется придерживаться универсальных, но гибких методов: мониторинг психологического климата в классе, открытые обсуждения проблем кибербуллинга без давления на учащихся и развитие общей медиаграмотности. Важно помнить, что отсутствие корреляции не отменяет необходимости профилактики, но указывает на то, что выбор стратегий должен опираться на другие факторы – например, возраст, специфику платформ или тяжесть инцидентов.

Таким образом, эффективное противодействие кибербуллингу требует учета фундаментального расхождения в восприятии жертв и свидетелей, а также разработки адресных стратегий, компенсирующих как недооценку жертвами собственных возможностей, так и переоценку свидетелями легкости сопротивления. Ключевым становится сочетание технических решений с психолого-педагогической работой, учитывающей ролевые позиции и индивидуальные особенности всех участников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенгина, Е. А. Кибербуллинг как новая форма угрозы психологическому здоровью личности подростка / Е. А. Бенгина, С. А. Гришаева // Вестник университета. – 2018. – № 2. – С. 153–157. – EDN YUPICD.
2. Бочавер, А. А. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий / А. А. Бочавер, К. Д. Хломов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – Т. 11, № 3. – С. 177–191. – EDN TWHXXF.
3. Бочкарева, Е. В. Теоретико-правовые аспекты кибербуллинга / Е. В. Бочкарева, Д. А. Стренин // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15, № 1. – С. 91–97. – DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(1).91-97. – EDN ZZGHLR.
4. Глуханюк, Н. С. Практикум по психодиагностике : учеб. пособие / Н. С. Глуханюк. – 4-е изд., стер. – Москва : Издательство Московского психолого-социального института ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 2009. – 320 с.
5. Назаров, В. Л. Картина школьной травли и кибербуллинга глазами школьников / В. Л. Назаров, Н. В. Авербух, А. В. Буйначева // Педагогическое образование в России. – 2022. – № 6. – С. 157–171. – DOI: 10.26170/2079-8717_2022_06_20. – EDN NWSCLS.
6. Собчик, Л. Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики / Л. Н. Собчик. – Санкт-Петербург : Издательство «Речь», 2017. – 479 с.
7. Солдатова, Г. У. Кибербуллинг: особенности, ролевая структура, детско-родительские отношения и стратегии совладания / Г. У. Солдатова, А. Н. Ярмина // Национальный психологический журнал. – 2019. – Т. 3, № 3 (35). – С. 17–31. – DOI: 10.11621/npj.2019.0303. – EDN RGLIIO.
8. Bullying and cyberbullying is associated with low levels of cognitive and metacognitive learning strategies in young people / J. L. Solas-Martínez, M. J. De la Torre-Cruz, A. Rusillo-Magdaleno, E. J. Martínez-López // Frontiers in Psychology. – 2025. – Vol. 16. – DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1569400.
9. Bystanders' behaviours and associated factors in cyberbullying / J. Panumaporn, S. Hongsangunsri, W. Atsariyasing, K. Kiatrungrit // General Psychiatry. – 2020. – Vol. 33, no. 3. – P. e100187. – DOI: 10.1136/gpsych-2019-100187. – EDN RUGBZW.
10. Cyberbullying and Depression in Vietnamese Adolescents: The Role of Avoidant Coping and Social Support / D. T. Nguyen, B. T. N. Nguyen, N. Ph. H. Nguyen et al. // Journal of Technology in Behavioral Science. – 2025. – DOI: 10.1007/s41347-025-00535-w. – EDN INNDVU.

11. Cyberbullying definition among adolescents: A comparison across six European countries / E. Menesini, A. Nocentini, B. E. Palladino et al. // *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*. – 2012. – Vol. 15, no. 9. – P. 455–463. – DOI: 10.1089/cyber.2012.0040.
12. Cyberbullying: Its nature and impact in secondary school pupils / P. K. Smith, J. Mahdavi, M. Carvalho et al. // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. – 2008. – Vol. 49, no. 4. – P. 376–385.
13. Effectiveness of coping strategies for victims of cyberbullying / H. Machackova, A. Cerna, A. Sevcikova et al. // *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*. – 2013. – Vol. 7, no. 3. – P. 1–12. – DOI: 10.5817/CP2013-3-5.
14. Erbiçer, E. S. Cyberbullying among adolescents in Turkey: The relationship between coping strategies and cyberbullying perpetration / E. S. Erbiçer, E. Toprak, A. Metin // *Child and Adolescent Mental Health*. – 2023. – Vol. 28, no. 1. – P. 67–75. – DOI: 10.1111/camh.12622. – EDN OWJLOQ.
15. Kizza, P. J. Unmasking the Cyberbully: Understanding the Psychological and Social Dynamics behind Online Abuse / P. J. Kizza // *Research Invention Journal of Law, Communication and Languages*. – 2024. – Vol. 3, no. 3. – P. 119–123.
16. Nazarov, V. L. Features of propaganda and manipulation in the modern information space of new media / V. L. Nazarov, E. V. Gorbunov, N. S. Kolegova // *Culture, Personality, Society in the Conditions of Digitalization: Methodology and Experience of Empirical Research : XXIII International Conference named after professor L. N. Kogan, Ekaterinburg, 19–21 марта 2020 года*. – Ekaterinburg : Институт современных технологий управления, 2020. – P. 319–324. – EDN TDWFAT.
17. Network Anonymity and Cyberbullying among Chinese Adolescents: A Moderated Mediation Model / L. Zhao, Y. Wu, X. Huang, L. Zhang // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. – 2022. – Vol. 19, no. 2. – P. 637. – DOI: 10.3390/ijerph19020637. – EDN INAEPR.
18. Olweus, D. School bullying: Development and some important challenges / D. Olweus // *Annual Review of Clinical Psychology*. – 2013. – Vol. 9. – P. 751–780. – DOI: 10.1146/annurev-clinpsy-050212-185516.
19. Ranjith, P. Ja. Development and validation of school-based intervention on cyberbullying for adolescents / P. Ja. Ranjith, M. N. Vranda, M. T. Kishore // *Indian Journal of Psychiatry*. – 2025. – Vol. 67, no. 2. – P. 252–255. – DOI: 10.4103/indianjpsychiatry.indianjpsychiatry_777_23. – EDN OKGSEU.
20. Shukla, A. Association Between Cyberbullying Victimization and Loneliness Among Adolescents: The Role of Coping Strategies and Emotional Intelligence / A. Shukla, S. C. Vikram // *International Journal of Cyber Behavior, Psychology and Learning*. – 2023. – Vol. 13, no. 1. – P. 1–19. – DOI: 10.4018/IJCBPL.330586.
21. Tackling cyberbullying: Review of empirical evidence regarding successful responses by students, parents, and schools / S. Perren, L. Corcoran, H. Cowie et al. // *International Journal of Conflict and Violence*. – 2012. – Vol. 6, no. 2. – P. 283–292.
22. The efficacy of the Friendly Attac serious digital game to promote prosocial bystander behavior in cyberbullying among young adolescents: A cluster-randomized controlled trial / A. DeSmet, S. Bastiaenssens, K. Van Cleemput et al. // *Computers in Human Behavior*. – 2018. – Vol. 78. – P. 336–347. – DOI: 10.1016/j.chb.2017.10.011.
23. The Perspective of School-Age Adolescents on Cyberbullying in Türkiye: A Qualitative Study / T. Doğan, E. S. Erbiçer, E. Akin et al. // *Child Indicators Research*. – 2023. – Vol. 16, no. 6. – P. 2581–2607. – DOI: 10.1007/s12187-023-10072-8. – EDN DIKWLN.
24. Validation of the Chinese version of the coping strategies for victims of cyberbullying scale / Q. Chen, Z. Lu, B. Liu et al. // *BMC Psychology*. – 2024. – Vol. 12, no. 1. – P. 259. – DOI: 10.1186/s40359-024-01766-x. – EDN ERSGQU.

REFERENCES

1. Bengina, E. A., Grishaeva, S. A. (2018). Kiberbulling kak novaya forma ugrozy psikhologicheskomu zdorov'yu lichnosti podrostka = Cyberbullying as a new form of threat to the psychological health of a teenager's personality. *Bulletin of the University*, 2, 153–157. EDN YUPICD.
2. Bocharov, A. A., Khlomov, K. D. (2014). Kiberbulling: travlya v prostranstve sovremennykh tekhnologiy = Cyberbullying: Harassment in the space of modern technologies. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 11(3), 177–191. EDN TWHXXF.
3. Bochkareva, E. V., Strenin, D. A. (2021). Teoretiko-pravovye aspekty kiberbullinga = Theoretical and legal aspects of cyberbullying. *All-Russian Journal of Criminology*, 15(1), 91–97. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(1).91-97. EDN ZZGHLR.
4. Glukhanyuk, N. S. (2009). Praktikum po psikhodiagnostike = Workshop on psychodiagnostics. 4th edition. Moscow: Publishing House of the Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh: MODEK, 320 p.
5. Nazarov, V. L., Averbukh, N. V., Buinacheva, A. V. (2022). Kartina shkol'noy travli i kiberbullinga glazami shkol'nikov = The picture of school bullying and cyberbullying through the eyes of schoolchildren. *Pedagogical Education in Russia*, 6, 157–171. DOI: 10.26170/2079-8717_2022_06_20. EDN NWSCLS.
6. Sobchik, L. N. (2017). Psikhologiya individual'nosti. Teoriya i praktika psikhodiagnostiki = Psychology of individuality. Theory and practice of psychodiagnostics. Saint Petersburg: Rech Publishing House, 479 p.
7. Soldatova, G. U., Yarmina, A. N. (2019). Kiberbulling: osobennosti, rolevaya struktura, detsko-roditel'skie otnosheniya i strategii sovladaniya = Cyberbullying: Features, role structure, child-parent relations, and coping strategies. *National Psychological Journal*, 3, 3(35), 17–31. DOI: 10.11621/npj.2019.0303. EDN RGLIIO.
8. Solas-Martínez, J. L., De la Torre-Cruz, M. J., Rusillo-Magdaleno, A., Martínez-López, E. J. (2025). Bullying and cyberbullying is associated with low levels of cognitive and metacognitive learning strategies in young people. *Frontiers in Psychology*, 16. DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1569400.

9. Panumaporn, J., Hongsanguansri, S., Atsariyasing, W., Kiatrungrit, K. (2020). Bystanders' behaviours and associated factors in cyberbullying. *General Psychiatry*, 33(3), e100187. DOI: 10.1136/gpsych-2019-100187. EDN RUGBZW.
10. Nguyen, D. T., Nguyen, Be. T. N., Nguyen, N. Ph. H. et al. (2025). Cyberbullying and Depression in Vietnamese Adolescents: The Role of Avoidant Coping and Social Support. *Journal of Technology in Behavioral Science*. DOI: 10.1007/s41347-025-00535-w. EDN INNDVU.
11. Menesini, E., Nocentini, A., Palladino, B. E. et al. (2012). Cyberbullying definition among adolescents: A comparison across six European countries. *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*, 15(9), 455–463. DOI: 10.1089/cyber.2012.0040.
12. Smith, P. K., Mahdavi, J., Carvalho, M. et al. (2008). Cyberbullying: Its nature and impact in secondary school pupils. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 49(4), 376–385.
13. Machackova, H., Cerna, A., Sevcikova, A. et al. (2013). Effectiveness of coping strategies for victims of cyberbullying. *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*, 7(3), 1–12. DOI: 10.5817/CP2013-3-5.
14. Erbiçer, E. S., Toprak, E., Metin, A. (2023). Cyberbullying among adolescents in Turkey: The relationship between coping strategies and cyberbullying perpetration. *Child and Adolescent Mental Health*, 28(1), 67–75. DOI: 10.1111/camh.12622. EDN OWJLOQ.
15. Kizza, P. J. (2024). Unmasking the Cyberbully: Understanding the Psychological and Social Dynamics behind Online Abuse. *Research Invention Journal of Law, Communication and Languages*, 3(3), 119–123.
16. Nazarov, V. L., Gorbunov, E. V., Kolegova, N. S. (2020). Features of propaganda and manipulation in the modern information space of new media. *Culture, Personality, Society in the Conditions of Digitalization: Methodology and Experience of Empirical Research*, 319–324. Ekaterinburg: Institute of Modern Management Technologies. EDN TDWFAT.
17. Zhao, L., Wu, Y., Huang, X., Zhang, L. (2022). Network Anonymity and Cyberbullying among Chinese Adolescents: A Moderated Mediation Model. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 19(2), 637. DOI: 10.3390/ijerph19020637. EDN INAEPR.
18. Olweus, D. (2013). School bullying: Development and some important challenges. *Annual Review of Clinical Psychology*, 9, 751–780. DOI: 10.1146/annurev-clinpsy-050212-185516.
19. Ranjith, P. Ja., Vranda, M. N., Kishore, M. T. (2025). Development and validation of school-based intervention on cyberbullying for adolescents. *Indian Journal of Psychiatry*, 67(2), 252–255. DOI: 10.4103/indianjpsychiatry.indianjpsychiatry_777_23. EDN OKGSEU.
20. Shukla, A., Vikram, S. C. (2023). Association Between Cyberbullying Victimization and Loneliness Among Adolescents: The Role of Coping Strategies and Emotional Intelligence. *International Journal of Cyber Behavior, Psychology and Learning*, 13(1), 1–19. DOI: 10.4018/IJCBPL.330586.
21. Perren, S., Corcoran, L., Cowie, H. et al. (2012). Tackling cyberbullying: Review of empirical evidence regarding successful responses by students, parents, and schools. *International Journal of Conflict and Violence*, 6(2), 283–292.
22. DeSmet, A., Bastiaensens, S., Van Cleemput, K. et al. (2018). The efficacy of the Friendly Attac serious digital game to promote prosocial bystander behavior in cyberbullying among young adolescents: A cluster-randomized controlled trial. *Computers in Human Behavior*, 78, 336–347. DOI: 10.1016/j.chb.2017.10.011.
23. Doğan, T., Erbiçer, E. S., Akin, E. et al. (2023). The Perspective of School-Age Adolescents on Cyberbullying in Türkiye: A Qualitative Study. *Child Indicators Research*, 16(6), 2581–2607. DOI: 10.1007/s12187-023-10072-8. EDN DIKWLN.
24. Chen, Q., Lu, Z., Liu, B. et al. (2024). Validation of the Chinese version of the coping strategies for victims of cyberbullying scale. *BMC Psychology*, 12(1), 259. DOI: 10.1186/s40359-024-01766-x. EDN ERSQU.